

Приграничные торговые зоны вокруг Китая: интернализация каких правил?

Наталья Петровна Рыжова
Университет Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика, natalia.ryzhova@upol.cz

Аннотация. Приграничная торговля на рубеже XX–XXI вв. стала заметным фактором развития приграничных регионов Китая. Чтобы воспользоваться географическим преимуществом, китайские власти создали специальный институт ("приграничный пояс открытости"), который позволил выстроить торговые каналы, простирающиеся далеко за пределы китайских границ. Сопредельные страны (от Северной Кореи до Мьянмы) вынуждены были реагировать на китайские инициативы. Некоторые из них даже создали свои зеркальные институты. Но публикации, оценивающие результаты, пессимистичны: в отличие от Китая, его сопредельным странам редко удавалось достичь успеха. В статье предложено использовать концепцию интернализации правил для осмысления двусторонних результатов.

Ключевые слова: *приграничная торговля, базары, интернализация правил, неолитерализм, неформальная экономика, приграничный пояс открытости, Россия, Китай, Вьетнам*

Работа была поддержана проектом Европейского фонда регионального развития "Синофонные приграничные регионы – взаимодействие на границах", CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791

Для цитирования: Рыжова Н. П. Приграничные торговые зоны вокруг Китая: интернализация каких правил? // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2024. № 4. С. 51–61. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Original article
<https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Border trade zones around China: Internalising which rules?

Natalia P. Ryzhova
Palacký University, Olomouc, Czech Republic, natalia.ryzhova@upol.cz

Abstract. Border trade at the turn of the XX–XXI centuries became a prominent factor in the development of China's border regions. To use geographical advantage, the Chinese authorities established a special institution (the "open border belt"), which allowed them to build trade channels that extend far beyond China's borders. The neighboring countries (from North Korea to Vietnam) have had to respond to Chinese initiatives. Some of them have even created their own "mirror" institutions (border trade zones, special economic zones). But publications assessing the achieved outcomes are pessimistic: unlike China, its neighboring countries have rarely succeeded. The article proposes to use the concept of internalization of rules to explain bilateral outcomes.

Key words: *cross-border trade, border bazaars, internalization of rules, neoliberalism, informal economy, open border belt, Russia, China, Vietnam*

The work was supported from European Regional Development Fund Project 'Sinophone Borderlands – Interaction at the Edges', CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791

For citation: Ryzhova N. P. Border trade zones around China: Internalising which rules? // Ojkumena. Regional Researches. 2024. No. 4. P. 51–61. <https://doi.org/10.29039/1998-6785/2024-4/51-61>

Весной 2022 г., в то время, когда пандемия Covid оказалась близкой к завершению и стали возможны международные полеты, но Китай не открыл свои границы, наша исследовательская группа¹ провела полевые этнографические исследования в трёх населенных пунктах (Замын-Ууд в Монголии, Хорогос в Казахстане и Мунь Цхай во Вьетнаме). Каждый из них является парой к китайскому "открытому городу" (Эрэн-Хото в Автономном Районе (далее – АР) Внутренняя Монголия, Инин в Синьцзян-Уйгурском АР и Дунсин в Гуанси-Чжуанском АР). Указанные китайские населённые пункты получили статус "открытого города" в рамках создания "приграничного пояса открытости", который был учрежден Госсоветом КНР в 1992 г. [3; 4; 5; 10; 20]. Нас интересовало, как приграничные населённые пункты, развивавшиеся в течение 30 лет под влиянием приграничной торговли, приспособились к новым условиям (закрытым границам).

Одной из первых мы посетили свободную экономическую зону, созданную в Замын-Ууд. Свидетельства о том, что развитие монгольского пригранич-

¹ Я искренне благодарю Ю. Корешкову (Университет Палацкого в Оломоуце, Чехия), в паре с которой мы проехали все приграничные зоны и базары, взяли около 50 интервью, а также наших проводников и научных ассистентов, которые помогали с интервьюированием в Монголии и Вьетнаме.

ного города "зашло в тупик" из-за Covid уже появились в печати [29], но нет информации о том, как приспособлялись люди, занятые в неформальной приграничной торговле. До пандемии не столько свободная зона оказывала на них влияние, сколько возможность участвовать в оказании транспортных услуг для неформальных торговцев (челноков) и шоп-туристов [7, p. 39–40].

Мы проснулись в 8 утра. В обычно шумной гостинице находилось не более пяти человек, на улицах почти никого не было. Пункт пересечения границы, ранее шумный и оживленный, был, конечно, пуст и тих, хотя несколько контейнеровозов проследовало из Китая в Монголию. Мы проследовали к торговому центру и обнаружили, что и он закрыт. В 11 утра в торговом центре мы встретились с ключевым информантом. Мы спросили: почему большинство точек в торговом центре закрыты. "Нет никакой торговли. Нет смысла идти на работу, никто ничего не покупает. Раньше нашу продукцию – расходные материалы для мобильных телефонов, батарейки, фонари – покупали водители, туристы и все, кто ехал в Китай по торговым делам" (интервью, жен., 52. Монголия, 2022). Другая информантка сообщила: "У нашей семьи (моего мужа и брата) был грузовик, они всегда были заняты. Мужчины перевозили товары через границу... Теперь всё это исчезло. Даже если бы Китай завтра вдруг открыл свои границы, это бы нас не спасло. Ведь теперь все перевозки находятся в руках одной компании из Улан-Батора. Нам больше нечего там ловить" (интервью, жен., 45. Монголия, 2022). "Исчезло движение через границу – исчезли мы. Нет никаких альтернатив, нет работы, нет денег" (интервью, муж., 42. Монголия, 2022).

Через пару недель мы были на другой монгольской границе, теперь уже с Россией. Граница оказалась открытой, и в Сухэ-Баторе появилось небольшое количество туристов из России. Мы решили посетить свободную торговую зону "Алтанбулаг". Обе зоны по задумке их дизайнеров должны были составлять единый торговый коридор между Китаем и Россией. Статьи, о "коридоре". Автодорога к моменту нашего следования по ней строилась уже почти 10 лет и в большей части дорогой не являлась: машины следовали по накатанным колеям в степи, лишь иногда выезжая на асфальтированные участки в 20–50 км. В торговую зону "Алтанбулаг", которая представляет собой скопление магазинов малой площади, расположенных на широком пространстве и огороженных сетчатым забором, мы прибыли к самому открытию и были удивлены наплывом людей. По меньшей мере 50 местных жителей ждали у входа, и их становилось все больше. В другой – автомобильной очереди стояло не менее 30 машин. После входа в "Алтанбулаг" каждый "турист" бежал к небольшому окошку за (как мы поняли позже) таможенными декларациями. Мы также получили свои и воспользовались ими как "валютой", расплатившись с теми людьми, которые согласились дать нам интервью. В процессе интервью мы среди прочего выявили ценность этой "валюты": она измерялась разницей между ценой, уплаченной за 2 бутылки бесспиритного алкоголя и ценой их продажи. Продажная цена варьировалась в зависимости от того, кому мог сбыть свои бутылки "приграничный предприниматель". Такими "предпринимателями" становятся местные жители, алкоголь из свободной торговой зоны поступает как в монгольские, так и в российские торговые точки. В зоне "Алтанбулаг", кроме алкоголя, можно купить конфеты, печенье, ограниченное количество продуктов питания и одежды. Эти товары покупаются в основном для собственного потребления жителями приграничного Сухэ-Батора, а также многочисленных туристов из России. Судя по ассортименту торговых точек, именно алкоголь является основной специализацией зоны.

Монгольское правительство создало свободную экономическую зону Замын-Ууд в 2003 г. [17], а свободную торговую зону "Алтанбулаг" – годом ранее [18]. Цели зоны Замын-Ууд включали в себя создание "стандарта и модели для остальных экономических зон Монголии"; создание "нового промышленного и торгового города, основанного на выдающихся научных достижениях". Целями Алтанбулага также были "достижение международных стандартов", создание "логистически ориентированной зоны экспортной переработки", концентрация "международных грузоперевозок и развитие туристического бренда "Великий чайный путь" [18]. При этом обе зоны были связаны между собой как сопровождающие торговые потоки из Китая в Россию и обратно. Из документов, подготовленных для создания и развития обеих зон очевидно, что

планы проектировщиков имеют мало общего с реальностью (перевозкой людей и товаров через границу и тем более с перепродажей алкоголя). Монгольские авторы сообщают, что планы в целом не были достигнуты [27].

Пессимистичные результаты весьма контрастируют с тем, чего удалось достичь Китаю. О китайском успехе в реализации целей я писала ранее [3; 5]. Свежие публикации подтверждают, что хотя приграничный пояс открытости сильно уступал в эффективности приморским свободным экономическим зонам, но он внес заметный позитивный вклад в развитие внутренних приграничных – и потому традиционно депрессивных регионов [20].

"Проигравшими" выглядят не только монгольская и российская, но также и казахстанская стороны. Хотя на казахстанско-китайской границе построен современный торговый центр, его социальное и экономическое влияние на приграничные населённые пункты минимально [11]. Любопытно в этой связи сигналы, поступающие с вьетнамской границы, где растёт количество населения, улучшается инфраструктура, и появляется экономическая активность, не связанная с обслуживанием трансграничного потока [26].

Наши полевые исследования эти "сигналы" подтвердили: хотя граница оставалась закрытой, вьетнамский Мунь Цхай быстро оживлялся после пандемии: функционировали туристские достопримечательности; были открыты почти все гостиницы, работали рестораны, что привлекало вьетнамских туристов. В особом режиме работали торговые центры – визуально закрытые, они продолжали обслуживать электронную торговлю. То есть сторонний наблюдатель (как мы), заходя в торговый центр видит закрытые витрины, но работающих на распаковке и переупаковке продавцов. "Мы получили товар из Китая и готовим посылки для отправки в Ханой, Ниньбинь и другие. Торговля почти не останавливалась всё это время. Но мы перешли на Zalo (*вьетнамская социальная сеть – Н.Р.*)" (интервью, муж., 38. Вьетнам, 2022).

Полевые исследования, проведённые в прилегающих к Китаю приграничных городах, продолжило моё лонгитюдное исследование экономического развития пары приграничных городов – Благовещенска и Хэйхэ [22; 23; 24], а также "китайских базаров", которое проводилось мной и моими коллегами с середины 2000-х годов в Иркутске, Владивостоке, Красноярске [1]. Базары, созданные в китайских приграничных открытых городах, а также в провинциальных центрах (в Харбине, Урумчи, Хух-Хото), а также "китайские базары", созданные на сопредельных территориях, сформировали связанную товарными и людскими потоками инфраструктуру. Блокировки на границах из-за Covid должны были влиять и на снабжение рынков в региональных центрах и столицах. Поэтому мы также посетили базары в Алматы, Бишкеке и Улан-Баторе. Опрашивая информантов на этих базарах, мы пришли к выводу, что товары доставлялись и в пандемию несмотря на закрытые границы. "Выключенными" оказались только приграничные населённые пункты (видимо, за исключением Вьетнама).

Изучая стремительный подъём и постепенную экономическую стагнацию Благовещенска и рассматривая ситуации в Замын-Удэ и Мунь Цхай, я стремлюсь ответить в этой статье на вопрос: как и почему Китаю удалось реализовать преимуществ приграничных торговых / экономических зон, а России – как и Монголии или Казахстану – нет? Для ответа на этот вопрос в первом разделе я объясняю свой метод и даю краткий обзор дискуссии, в которую мой тезис призван внести вклад, а в двух последующих разделах отвечаю на поставленные вопросы и надеюсь таким образом раскрываю свой тезис.

Интернализация: дискуссия и метод исследования

В работе использован метод сравнения. Хотя когда-то оно было краеугольным камнем антропологии, сейчас эта дисциплина относится к сравнениям довольно скептически, настаивая на уникальности и культурном релятивизме изучаемого случая [25]. Я не пытаюсь опровергнуть этот скептицизм, но хочу объединить две разнонаправленные тенденции: партикуляризацию и генерализацию. Партикуляризация в исследовании проявляется в том, что в основном фокусе находится этнографическое поле (Благовещенск и Хэйхэ), где исследования были начаты мной в начале 2000-х годов. Обобщение означает, что наблюдения из различных культурных ситуаций используются для объяснения динамики этой пары городов. То есть статья не утверждает, что

в других локальностях всё так же, но пытается объяснить, почему некоторые процессы схожи или отличаются. Я надеюсь, что фокус на динамике, изменениях, произошедших в Благовещенске по сравнению с другими локальностями, позволяет генерализовать выводы, которые получены при изучении пары Благовещенск-Хэйхэ.

Особым экономическим зонам Китая посвящено большое количество антропологических работ. Для многих исследователей источником вдохновения стали концепции, предложенные Айвой Онг в книге "Неолиберализм как исключение: мутации гражданства и суверенитета" [19]. По данным Google Scholar книга была процитирована более 7 тыс. раз. Понятно, почему идеи, изложенные в книге, оказались столь продуктивными: следуя концепции суверенной власти Агамбена, Онг показывает, что китайские особые зоны стали способом политического исключения из общего национального пространства для реализации неолиберальных правил. А. Онг показала, что вмешательство сильного и даже авторитарного государства позволило Китаю постепенно провести реформы и приспособить внутреннюю экономику и общество к глобальному рынку. Неолиберальные правила, введённые через экономические зоны, создавали неолиберальную субъективность для выжимания максимальной стоимости труда. Создаваемые в зонах правила были чуждыми, то есть противоречили национальным институтам, культуре, верованиям, нормам, но приводили к созданию ценностей, которые укрепляли национальные институты, создавая затейливые гибриды. А. Онг, а затем и её последователи продемонстрировали, что бинарная оппозиция (социализм vs капитализм) плохо подходит для объяснения того, как Китай вводил особые экономические зоны, поскольку различные логики суверенного управления сочетались и действовали. Китайские опыт гибридизации шагнул за пределы самого Китая – исследователи показали, что сочетание авторитарных и неолиберальных логик происходило в разных локальностях, созданных при участии китайского капитала, но особенно часто на приграничных территориях между Китаем и Лаосом, Малайзией, Пакистаном и т.д. [13; 14; 15; 21]. Например, К. Литтлтон и П. Ньери, изучая лаоско-китайскую границу, пришли к выводу, что пограничные зоны, созданные в регионах политического и криминального сопротивления (они используют термин Дж. Скотта "Зомия"), приводят к изменению норм суверенитета и позволяют капиталу "адаптироваться к неолиберальной глобализации" [15].

Интересно, что более поздние работы, например монография Д. Байлера об особых экономических зонах в Синьцзяне, показывает, что спустя двадцать лет китайская модель власти смогла поглотить неолиберальную логику, подчинить её своему авторитарному управлению и создать то, что Д. Байлер назвал террор-капитализмом [8]. Возможность такого поглощения особенно важна для моего аргумента: именно поглощение – иначе интернализация – позволяет усвоить внешние, чуждые правила и сделать их внутренними регуляторами. Я использую этот термин в качестве основного аналитического инструмента в работе.

На интернализацию обращает внимание А. Риппа в книге о приграничной инфраструктуре: он показывает, что Китаю удалось воплотить свою версию капитализма, интернализирующую неолиберальные правила. Кроме того, он утверждает, что интернализация стала возможной не благодаря удаленности китайского государства из управления особыми зонами (на чём настаивала А. Онг), а благодаря его "громоздкому присутствию" [21].

Моя критика А. Онг берёт несколько другое направление. Я утверждаю, что, создавая и развивая приграничные зоны, китайское государство и его представители соглашались на интернализацию любых – не только неолиберальных – правил. Это позволило китайским властям достичь поставленных целей, именно это отличает приграничные зоны не только от ситуаций китайских приморских зон, но и от ситуаций в приграничных зонах России, Казахстана или Монголии. И наоборот, именно готовность к интернализации любых правил приближает вьетнамские приграничные зоны к успеху китайских. Далее я постараюсь раскрыть этот тезис.

Как Китаю удалось реализовать идею приграничных зон?

Официально китайские приграничные зоны предполагали развитие трёх типов торговли – государственной, мелкой и базарной [30]. Соответственно, государственная торговля подразумевала соглашения между местными властями коммунистического Китая и властями прилегающих зарубежных регионов, мелкая – между государственными компаниями и частными компаниями из обоих регионов, прилегающих к границе, базарная – между людьми, большая часть из которых не имела предпринимательских регистраций. Противоречивая статистика, не раз проанализированная, в том числе автором этой статьи, свидетельствует о том, что государство почти не наблюдало за игроками (особенно за мелкими), которые при этом вносили наибольший вклад в экспорт китайских товаров в прилегающие страны [3]. Самой заметной частью приграничных торговых зон были базары, в которых могли участвовать все, даже представители военного ведомства. На базарах не было кассовых аппаратов, почти не платились налоги, а торговля не ограничивалась специально отведёнными местами. На базарах продавались отнюдь не только товары китайских государственных предприятий, но и любой ширпотреб, который могли произвести кустарным образом [9; 28].

Существование базаров во многих приграничных провинциях не прерывалось даже во время "культурной революции". Например, в провинции Юньнань приграничные базары были легализованы почти сразу после образования Китайской Народной Республики. В 1954 г. был издан специальный указ, согласно которому жителям приграничья "разрешалось создавать рынки в пределах 20 км от границы, а жителям – зарабатывать до 5 юаней в день на каждого человека" [30]. Помимо сельскохозяйственной продукции, на приграничных базарах можно было купить или обменять товары повседневного спроса и одежду. Многочисленные пограничные конфликты на разных границах, конечно, прерывали торговые обмены, но они сразу восстанавливались, как только происходила политическая нормализация. То есть китайский социализм не вытеснил традиционный базар из экономического ландшафта приграничья. Этим приграничные регионы отличались от других территорий Китая. Например, в провинции Хубэй с 1960-х гг. большинство традиционных рынков было закрыто, активность торговцев ограничивалась несколькими днями в неделю, а разрешенные товары включали сельскохозяйственную и побочную продукцию, из которой почти 50 % приходилось на скот [31].

Почему китайские коммунистические власти позволили базарам выжить на периферии? В своей диссертации Чжао [30] утверждает, что существование приграничных базаров власти объясняли необходимостью удовлетворять "экзотические запросы", обусловленные традиционным укладом и образом жизни проживающих там людей. Академики часто следовали этой идее экзотизации: например, в работах Б. Вомака [28] подчеркивается, что приграничная торговля, существовавшая в провинции Юньнань до 1980-х гг., носила "доисторический" характер, и указывается, что развитию приграничной торговли способствовала общность групп меньшинств, проживающих вдоль границы в соседних странах, их культурные традиции, схожие обычаи и т. д.

Китайско-российское приграничье, конечно, не может претендовать на "экзотическую" общность потребностей групп меньшинств. Тем не менее, приграничная торговля, в том числе приграничные базары, расцвели сразу же после нормализации политических отношений между КНР и СССР. В отличие от Юньнаня, где уличная (лоточная) торговля стала частью приграничной, первые китайские торговцы в Благовещенске напоминали, скорее, советскую фарцовку [2; 6]. Вначале "китайская фарцовка" в Благовещенске велась около гостиниц, где селились первые китайские туристы или около речного порта Благовещенска. Товары (часы, нитки из жемчуга, спортивные костюмы, футболки, термосы и прочие товары потребительского спроса) оставались спрятанными, скрытыми в сумках китайских туристов. Покупатели оглашали товары, имеющиеся для обмена (шинели, сковородки, ножи) и после этого начинался торг.

Позднее китайские торговцы появились на Центральном крестьянском рынке Благовещенска; вначале вещи раскладывались на земле, потом появились отдельные ряды, затем выделился китайский рынок, позднее он пере-

хал в крытые помещения. Параллельно этим процессам разрасталась и уличная торговля и кустарное производство в Хэйхэ, в том числе развивающиеся благодаря особым предпочтениям и инфраструктуре создаваемыми китайскими провинциальными и муниципальными властями. Затем к приграничной торговле, осуществляемой руками и ногами китайских и российских "челночных торговцев" подключились и государственные китайские предприятия, которые таким образом расширяли свои рынки сбыта. Иначе говоря, приграничная торговля на этой границе не имела ничего общего с традиционной, "экзотической" торговлей меньшинств, вместо этого она интернализировала практики, сложившиеся в социалистическое время.

Хотя российская сторона тоже получила определенные преимущества от приграничной торговли (были амортизированы социальные шоки раннего постсоветского периода, решена проблема дефицита), но в большем выигрыше оказался Китай: его власти интернализировали нормы, практики и правила, которые уже действовали к концу 1980-х гг. Вместо того, чтобы исключать территории из национальных правил, как это было сделано с приморскими особыми экономическими зонами, ориентированными на глобальные рынки, в приграничных с Россией (а также Казахстаном, Вьетнамом, Лаосом и т.д.), китайское правительство разрешало и даже поощряло крайнее разнообразие. Вместо неолиберальной политики, направленной на выжимание максимальной стоимости рабочей силы, правительство поддерживало свободу предпринимательства и поощряло минимальный контакт с государством. Вместо того, чтобы принимать правила, чуждые и внешние по отношению к китайским национальным, правительство учитывало и поддерживало практики, характерные для разных локальностей.

Все ли страны-соседи Китая не могут повторить китайский успех?

Если китайское правительство, создавая приграничные зоны, делало ставку на интернализацию разнообразия, а создавая прибрежные зоны – на интернализацию неолиберальных идей, то какова была ставка российских (или монгольских) властей? Следует начать с того, что российские реформы образца 1991 г. следовали принципам Вашингтонского консенсуса, которые вводились одновременно на всей территории страны и, кажется, никаких зон политического исключения для интернализации неолиберальной логики создавать не имело смысла. В целом это, конечно, большое упрощение реальных процессов рыночной трансформации. Если говорить о приграничных территориях, то города, в которых были созданы пункты перехода государственной границы, всё же стали зонами исключения – в них стихийно формировались зоны приграничной торговли, то есть правила и практики, сильно отличающиеся от тех, что существовали в других российских регионах². Принципиальным их отличием от китайских стало, однако, то, что они никогда не существовали на бумаге.

Впрочем, наличие или отсутствие формализации не мешало развитию похожих практик на разных территориях, прилегающих к китайскому поясу приграничной открытости. Далее я сравню Благовещенск с вьетнамским Мунь Цхай, (где приграничная зона была официально создана в 1996 г.) с целью продемонстрировать, что интернализация разнообразия правил помогла городам развиваться, но запрет на экономическое разнообразие быстро приводил к утрате преимуществ приграничного положения.

² Зоны политического исключения в Российской Федерации могут быть и вполне формализованными, то есть конституируемыми действующим законодательством. В 2006 г. Государственная дума вернула понятие "пограничных зон" и с 2012 г. новые правила начали действовать. Доступ в пограничные зоны оказался ограниченным, в т. ч. для граждан РФ, не имеющих в них регистрации. Также в приграничных закрытых зонах действовали и другие исключения из правовых норм РФ (например, регистрировать предприятия, ввозить иностранную рабочую силу и т. п.). Эта форма политического исключения не является единственной; другой пример – закрытые города (ЗАТО), где в советское время были созданы особые предприятия (атомной или химической промышленности). Российское неравномерное, "слоистое" политическое пространство, где одним или другим образом ограничены экономические и другие права граждан и/или предприятий, является советским наследием и заслуживает отдельного научного осмысления.

Одним из самых впечатляющих зданий в Мунь Цхай является отель "Hong Van Grand Hotel", вся деятельность которого построена на обеспечении работы казино. Также в Мунь Цхай работают "LiLai International Gaming Club" и другие небольшие казино. Антропологи неоднократно демонстрировали, что игорные зоны были и остаются визитной карточкой приграничных районов, окружающих Китай. Из-за Covid нам не удалось посетить казино в Мунь Цхай, но мы смогли пообщаться с персоналом в неформальной обстановке. Двое из наших собеседников приехали из провинции Хэйлунцзян и ранее работали в российских приграничных городах. Один из них имел опыт работы в двух казино в Северной Корее. По их оценкам, основными клиентами игорных заведений во всех трёх странах были туристы из Китая. До 2006 г. Благовещенск также привлекал китайских туристов своими казино. Существенным отличием Благовещенска от Мунь Цхай было то, что все казино (в 2007 г. около 90 заведений) – были закрыты по решению Центрального правительства. Москва ввела новые правила, и в стране осталось всего три игровых зоны, ни одна из них не была создана в Благовещенске. И это несмотря на то, что казино приносило неплохой доход в городской бюджет Благовещенска (по оценкам в 2006 г. он составлял около 8 % от общего городского бюджета). После официального закрытия казино ещё некоторое время продолжали работать нелегально, но поток китайских туристов постепенно сокращался и вместе с этим приходили в упадок казино.

Ещё одна "туристическая достопримечательность" Мунь Цхай – неформальный обменный рынок, за которым мы наблюдали несколько дней во время наших полевых исследований. Неформальный в данном случае означает, что сделки с валютами совершаются вне официальных банковских структур, по сути, на уличном базаре. Здесь же могут быть оказаны услуги перевода валюты за рубеж – в Китай. Наши информанты сообщили, что объём совершаемых услуг сократился за время Covid в несколько раз, хотя услуги продолжают оказываться: ведь и поток товаров из Китая сильно сократился, но не сведён к нулю. По сути, валютные услуги совершаются на принципах хавала-банка [16]. Функционирование валютного рынка было описано в антропологических работах [12]. В частности, ученые отмечали, что рынок имеет устойчивые связи с банковскими структурами. В Благовещенске отдельные обменные операции в 1990-х осуществлялись и в рамках уличной торговли, однако большая часть валютно-обменных операций и операций по переводу средств в Китай осуществлялась в коммерческих банках. С 1995 по 1999 гг. я работала в международном отделе банка. Самой сложной задачей, которую решал банк, было создание легальных схем перевода денег, вырученных на китайских базарах. Наш банк предоставил помещение с машинами для подсчёта денег, где китайские торговцы могли передать свою дневную выручку китайскому финансовому посреднику. Он обменивал рубли, полученные от базарной торговли, на валюту в банке, но переводил через него лишь небольшую сумму (чтобы не нарушать валютное законодательство). Другая часть переводилась по схемам *a-la hawala*, то есть посредник по телефону сообщал своему контрагенту в Китае, кому и сколько нужно зачислить на счета в Китае. Более жёсткий валютный контроль, введённый в России в 1999 г. привёл к закрытию китайских кабинетов в банках, однако, очевидно, что неформальная торговля и прочие операции в сельском хозяйстве или строительстве предполагала наличие (квази) банковских услуг их обеспечивающих.

Основной же достопримечательностью и Мунь Цхай и Благовещенска были и остаются базары / торговые центры. Жёсткая политика России в отношении неформальной приграничной торговли способствовала упадку (но не полной ликвидации) китайских торговых центров в Благовещенске. Они действуют до сих пор и действовали во время Covid. Любопытно, что пандемия помогла вьетнамским торговцам получить контроль над коммерческой недвижимостью, ранее принадлежавшей китайским торговцам. Представляется, что этих процессов не было в Благовещенске – ранее введенные ограничения способствовали тому, что торговые площади принадлежали в основном российским бизнесменам. Соответственно большую тяжесть пандемийных ограничений они должны были принять на себя. Во Вьетнаме во время Covid произошел передел рынка торговых площадей. Китайские собственники помещений, лишённые возможности торговать на вьетнамской территории из-

за изоляции или, что чаще, делающие это в сотрудничестве с вьетнамским партнером, вынуждены были пойти на уступки и отдать им большую часть контроля над недвижимостью.

Таким образом, вмешательство российского государства в спонтанно возникшую приграничную зону Благовещенска было прямо противоположно стратегии интернализации разнообразия, которую использовали китайцы, и, видимо, повторяют вьетнамцы. Благодаря этому российские центральные власти не только меняют неформальные отношения, но и исключают приграничные населенные пункты из экономической жизни – в современном мире торговые потоки могут двигаться почти без людей.

Заключение

При открытии Хорогоса многие эксперты предсказывали скорую гибель рынков Бишкека и Алматы. Однако на момент нашего посещения Хорогос выглядел как абсолютно мёртвая зона, в то время как бишкекский Дордой и алматинский Зелёный базар, хотя и уменьшились в размерах и, очевидно, в количестве сделок, продолжали функционировать. Торговля на Дордое не прекращалась даже во время самоизоляции в пандемию. Торговцы, которых мы опрашивали, даже не всегда могли вспомнить, как долго длились изоляции и когда (в какие месяцы) их вводили. Некоторые респонденты вспоминали о двух закрытиях базара, другие – об одном. Кто-то говорил, что рынок оставался закрытым два месяца, а кто-то утверждал, что четыре. Более того, многие говорили, что торговля никогда не прекращалась полностью. Даже во время жёсткой изоляции торговцы могли приходить к своим контейнерам, забирать и выдавать товар. Продажа могла происходить без личной встречи продавца и покупателя – через чат в Instagram или WhatsApp и оплату через онлайн-банкинг. Подобные правила пандемической торговли сложились и в Иркутске, и в Ханое, Алматы, Улан-Баторе. Конечно, новые внешние правила (онлайн-банкинг, интернет-торговля, бесконтактная доставка) были созданы задолго до пандемии и не для этих условий или этих транзакций, но базар быстро усвоил эти новые правила, чтобы заставить их работать.

Тридцатилетнее развитие базаров помнит много таких моментов, когда они интернализировали внешние правила и благодаря этому адаптировались к новым кризисам. В 2008 г. российские власти запретили мигрантам торговать на базарах. На первый взгляд, этот запрет был приговором всем рынкам, где работали китайские торговцы. Примерно в то же время, по другим политическим причинам, российские власти упростили для граждан Кыргызстана получение российского вида на жительство и гражданства. Эти два внешних правила были интегрированы в новый внутренний механизм регулирования, когда у большинства китайских торговцев появились киргизские владельцы магазинов, которые официально зарегистрировались как владельцы бизнеса. Меньше чем за год в Красноярске и Иркутске, Благовещенске и Владивостоке появились тысячи новых мелких предпринимателей с двойным российским и киргизским гражданством.

Иначе говоря, базары оказались гораздо более адаптивными, чем приграничные зоны, созданные на бумаге (как в Монголии) или обсуждавшиеся годами (как в Благовещенске). Адаптивность, способность приспособиться к немыслимым ранее (например, пандемическим) условиям зависит от способности интернализировать разнообразные правила и делать их внутренними регуляторами. Успех китайских приграничных зон был также связан с такой интернализацией, как и провал соседей.

Литература

1. Дятлов В. И., Григоричев К. В. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 343 с.
2. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Фарца: Подполье советского общества потребления // Неприкосновенный запас. 2005. Т. 43. № 5. С. 62–68.
3. Рыжова Н. Экономическая интеграция приграничных регионов. Хабаровск: ИЗИ ДВО РАН, 2013. 352 с.
4. Рыжова Н. П. Развитие окраинных регионов КНР: роль "приграничного пояса открытости" // Пространственная экономика. 2008. № 4. С. 36–59.

5. Рыжова Н. П. Роль приграничного сотрудничества в развитии окраинных городов Китая и России // *Проблемы Дальнего Востока*. 2009. № 4. С. 59–74.
6. Твердюкова Е. Окно в капитализм, или Чёрный рынок по-советски // *Живая история*. 2017. № 10. URL: <https://history.ru/statyi/okno-v-kapitalizm> (дата обращения: 20.10.2024).
7. Billé F. *Sinophobia. Anxiety, Violence and the Making of Mongolian Identity*. University of Hawaii press, 2014. 268 p.
8. Byler D. *Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City*. Durham: Duke University Press Books, 2022. 296 p.
9. Chan Y. W., Womack B. Not merely a border: borderland governance, development and transborder relations in Asia // *Asian Anthropology*. 2016. Т. 15. № 2. P. 95–103.
10. Geng X. Basic Facts on Various Development Zones in the Border Provinces and Regions of China // *Policy and Management Mechanisms for Economic Development Areas*. Urumqi, Xinjiang Uygur Autonomous Region. People's Republic of China: 22–24 August 2007. www.adb.org
11. Grant A. Crossing Khorgos: Soft power, security, and suspect loyalties at the Sino-Kazakh boundary // *Political Geography*. 2020. Т. 76. P. 102–070.
12. Grillot C. Chapter Twelve. Arbitrage over the Beilun/ Kalong River: Chinese Adjustments to Border Trade Practices in Vietnam // *Traders in Motion: Identities and Contestations in the Vietnamese Marketplace* / ed. K. W. Endres, A. M. Leshkovich. Cornell University Press, 2018. P. 185–200.
13. Laungaramsri P. China in Laos: Enclave spaces and the transformation of borders in the Mekong Region // *The Australian Journal of Anthropology*. 2019. Т. 30. № 2. P. 195–211.
14. Laungaramsri P. Commodifying Sovereignty: Special Economic Zones and the Neoliberalization of the Lao Frontier // *Impact of China's Rise on the Mekong Region* / ed. Y. Santasombat. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. P. 117–146.
15. Littleton C., Nyiri P. Dams, casinos, and concessions: Chinese mega-projects in Laos and Cambodia // *Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects* / ed. S. D. Brunn. London; New York: Springer-Verlag, 2011. P. 1243-1265.
16. Martin M. Hundi/Hawala: // *Modern Asian Studies*. 2009. Т. 43. № 4. P. 909–937.
17. Official presentation of the Administration of the Zamyn-Ude Free Economic Zone // CAREC. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/Session2.4-Zamyn-Uud-Free-Economic-Zone.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
18. Official presentation of Altanbulag Free Economic Zone Administration // Altanbulag Free Economic Zone Administration. URL: https://altanbulag.gov.mn/files/1660787022_62fd994eaf194.pdf (дата обращения: 10.09.2022).
19. Ong A. *Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty*: Duke University Press, 2006. 295 p.
20. Reardon L. C. Seven Policies That Opened China to the Outside World, 1979–1990 // *Chinese Economic Statecraft from 1978 to 1989: The First Decade of Deng Xiaoping's Reforms* / ed. P. Roberts. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 33–62.
21. Rippa A. *Borderland Infrastructures: Trade, Development, and Control in Western China*: Amsterdam University Press, 2020. 282 p.
22. Ryzhova N. Invisible trade: Sovereign decisions on the Sino–Russian border // *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. Routledge, 2018. P. 334–344.
23. Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. Т. 50. № 3. P. 348–364.
24. Ryzhova N., Koreshkova I. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // *WeChat and the Chinese Diaspora* / ed. Wanning Sun & Haiqing Yu. Routledge, 2022. P. 38–56.
25. Schnegg M. Anthropology and Comparison: Methodological Challenges and Tentative Solutions // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2014. Т. 139. № 1. P. 55–72.
26. Thong L. B. Hinterland border gate urbanization – an alternative strategy for an equitable urban and regional development in mainland Southeast Asia // *Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG)*. 2020. Т. 46. № 1 and 2. P. 100–119.
27. Tsagaach T. Formation of Special Economic Zones in Mongolia // *Trade Logistics in Landlocked and Resource Cursed Asian Countries* / ed. K. Jayanthakumaran et al. Singapore: Springer, 2019. P. 193–219.
28. Womack B. Sino-Vietnamese Border Trade: The Edge of Normalization // *Asian Survey*. 1994. Т. 34. № 6. P. 495–512.
29. Zaanaa U., Batmunkh M.-U. Cooperation between Mongolia-China border ports during the Covid-19 pandemic: On the geo-economic example of the Zamyin-Uud port // *Journal of International Studies*. 2023. Т. 46. № 116. P. 72–88.
30. Zhao G. The changing peripheries in China: A case study of the political and economic impacts of the development of border trade in Yunnan province. URL: <https://www.proquest.com/openview/68c1817ee607fd70443236ed7e45efaa/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (дата обращения: 14.06.2022).
31. Zheng Qing Po. Congjiceng jishi yanbian toushi nongcun fazhan lujing // *Zhongguo jingjishi yanjiu*. 2018. № 3. P. 121–130 (In Chin.).

References

1. Dyatlov V. I., Grigorichev K. V. Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place. Irkutsk: Izdatel'stvo IGU, 2015. 343 p. (In Russ.).
2. Romanov P. V., Yarskaya-Smirnova E. R. Fartsa: Underground of the Soviet Consumer Society // *Neprikosvennyi zapas*. 2005. T. 43. № 5. P. 62–68. (In Russ.).
3. Ryzhova N. Economic integration of border regions. Khabarovsk: Institute of Economic Research FEB RAS, 2013. 352 p. (In Russ.).
4. Ryzhova N. P. Development of the peripheral regions of the People's Republic of China: the role of the "border belt of openness" // *Spatial Economics*. 2008. № 4. P. 36–59. (In Russ.).
5. Ryzhova N. P. The role of cross-border co-operation in the development of peripheral cities of China and Russia // *Problems of the Far East*. 2009. № 4. P. 59–74. (In Russ.).
6. Tverdyukova E. Window to capitalism, or the Black Market in the Soviet way // *Zhivaya istoriya*. 2017. No. 10. URL: <https://history.ru/statyi/okno-v-kapitalizm> (accessed 20.10.2024). (In Russ.).
7. Billé F. Sinophobia. Anxiety, Violence and the Making of Mongolian Identity. University of Hawaii press, 2014. 268 p.
8. Byler D. Terror Capitalism: Uyghur Dispossession and Masculinity in a Chinese City. Durham: Duke University Press Books, 2022. 296 p.
9. Chan Y. W., Womack B. Not merely a border: borderland governance, development and trans-border relations in Asia // *Asian Anthropology*. 2016. T. 15. № 2. P. 95–103.
10. Geng X. Basic Facts on Various Development Zones in the Border Provinces and Regions of China // Policy and Management Mechanisms for Economic Development Areas. Urumqi, Xinjiang Uygur Autonomous Region. People's Republic of China: 22–24 August 2007. www.adb.org
11. Grant A. Crossing Khorgos: Soft power, security, and suspect loyalties at the Sino-Kazakh boundary // *Political Geography*. 2020. T. 76. P. 102–070.
12. Grillot C. Chapter Twelve. Arbitrage over the Beilun/ Kalong River: Chinese Adjustments to Border Trade Practices in Vietnam // *Traders in Motion: Identities and Contestations in the Vietnamese Marketplace* / ed. K. W. Endres, A. M. Leshkovich. Cornell University Press, 2018. P. 185–200.
13. Laungaramsri P. China in Laos: Enclave spaces and the transformation of borders in the Mekong Region // *The Australian Journal of Anthropology*. 2019. T. 30. № 2. P. 195–211.
14. Laungaramsri P. Commodifying Sovereignty: Special Economic Zones and the Neoliberalization of the Lao Frontier // *Impact of China's Rise on the Mekong Region* / ed. Y. Santasombat. New York: Palgrave Macmillan US, 2015. P. 117–146.
15. Littleton C., Nyiri P. Dams, casinos, and concessions: Chinese mega-projects in Laos and Cambodia // *Engineering Earth: The Impacts of Megaengineering Projects* / ed. S. D. Brunn. London; New York: Springer-Verlag, 2011. P. 1243–1265.
16. Martin M. Hundi/Hawala // *Modern Asian Studies*. 2009. T. 43. № 4. P. 909–937.
17. Official presentation of the Administration of the Zamyn-Ude Free Economic Zone // CAREC. URL: <https://www.carecprogram.org/uploads/Session2.4-Zamyn-Uud-Free-Economic-Zone.pdf> (accessed 01.09.2022).
18. Official presentation of Altanbulag Free Economic Zone Administration // Altanbulag Free Economic Zone Administration. URL: https://altanbulag.gov.mn/files/1660787022_62fd994eaf194.pdf (accessed 10.09.2022).
19. Ong A. Neoliberalism as Exception: Mutations in Citizenship and Sovereignty: Duke University Press, 2006. 295 p.
20. Reardon L. C. Seven Policies That Opened China to the Outside World, 1979–1990 // *Chinese Economic Statecraft from 1978 to 1989: The First Decade of Deng Xiaoping's Reforms* / ed. P. Roberts. Singapore: Springer Nature, 2022. P. 33–62.
21. Rippa A. Borderland Infrastructures: Trade, Development, and Control in Western China: Amsterdam University Press, 2020. 282 p.
22. Ryzhova N. Invisible trade: Sovereign decisions on the Sino–Russian border // *Routledge Handbook of Asian Borderlands*. Routledge, 2018. P. 334–344.
23. Ryzhova N., Ioffe G. Trans-border Exchange between Russia and China: The Case of Blagoveshchensk and Heihe // *Eurasian Geography and Economics*. 2009. T. 50. № 3. P. 348–364.
24. Ryzhova N., Koreshkova I. WeChat as migration infrastructure: The case of Chinese-Russian precarious labour markets // *WeChat and the Chinese Diaspora* / ed. Wanning Sun & Haiqing Yu. Routledge, 2022. P.38–56.
25. Schnegg M. Anthropology and Comparison: Methodological Challenges and Tentative Solutions // *Zeitschrift für Ethnologie*. 2014. T. 139. № 1. P. 55–72.
26. Thong L. B. Hinterland border gate urbanization – an alternative strategy for an equitable urban and regional development in mainland Southeast Asia // *Malaysian Journal of Tropical Geography (MJTG)*. 2020. T. 46. № 1 and 2. P. 100–119.
27. Tsagaach T. Formation of Special Economic Zones in Mongolia // *Trade Logistics in Landlocked and Resource Cursed Asian Countries* / ed. K. Jayanthakumaran et al. Singapore: Springer, 2019. P. 193–219.

28. Womack B. Sino-Vietnamese Border Trade: The Edge of Normalization // *Asian Survey*. 1994. Т. 34. № 6. P. 495–512.

29. Zaanaa U., Batmunkh M.-U. Cooperation between Mongolia-China border ports during the Covid-19 pandemic: On the geo-economic example of the Zamyin-Uud port // *Journal of International Studies*. 2023. Т. 46. № 116. P. 72–88.

30. Zhao G. The changing peripheries in China: A case study of the political and economic impacts of the development of border trade in Yunnan province. URL: <https://www.proquest.com/openview/68c1817ee607fd70443236ed7e45efaa/1?pq-origsite=gscholar&cbl=18750&diss=y> (accessed 14.06.2022).

31. Zheng Qing Po. Congjiceng jishi yanbian touchi nongcun fazhan lujing // *Zhongguo jingjishi yanjiu*. 2018. № 3. P. 121–130 (In Chin.).

Информация об авторе

Наталья Петровна Рыжова, д-р. экон. наук, профессор РАН, доцент кафедры Азиатских исследований Университета Палацкого, Оломоуц, Чешская Республика, e-mail: Natalia.ryzhova@upol.cz

Information about the author

Natalia P. Ryzhova, Doctor of Economics, Professor RAS, Associate Professor, Department of Asian Studies, Palacky University, Olomouc, Czech Republic, e-mail: Natalia.ryzhova@upol.cz

Поступила в редакцию 24.10.2024

Received 24.10.2024

Одобрена после рецензирования 17.11.2024

Approved 17.11.2024

Принята к публикации 27.11.2024

Accepted 27.11.2024